

DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

УДК 323.21 | ББК 66.033.1

© Уханова Ю.В.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ)¹

ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда, Российская Федерация
e-mail: ukhanova4@rambler.ru
ORCID: [0000-0001-7307-9520](https://orcid.org/0000-0001-7307-9520); ResearcherID: [Q-7225-2017](https://orcid.org/Q-7225-2017)

В условиях межрегиональных социально-экономических диспропорций в России возрастает значимость поиска новых факторов территориального развития, которые находятся не только в экономической плоскости, но и в социокультурной. В связи с этим одним из ключевых направлений решения внутренних проблем страны и ее регионов становится развитие гражданского участия. Научная новизна исследования определяется применением комплексного подхода, учитывающего анализ включения населения в общественно полезную деятельность как при взаимодействии с властью (вертикальное взаимодействие), так и в пространстве повседневности (горизонтальное взаимодействие). Цель работы заключается в оценке потенциала и уровня вовлеченности локального сообщества в коллективные практики гражданского участия. Метод сбора эмпирической информации – количественное социологическое измерение, проведенное ВолНЦ РАН в 2019 году на территории трех субъектов СЗФО: Вологодской, Псковской областей, Республики Карелии. Определено, что население пока демонстрирует низкий уровень непосредственной вовлеченности в коллективные практики участия на местах. Однако анализ полученных результатов дает основание говорить о качественном разнообразии гражданских инициатив, горизонтальных коммуникационных связей: широкое распространение получают

Для цитирования: Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

For citation: Ukhanova Yu.V. Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

практики, направленные на благоустройство местных территорий, а также различные формы помогающего (солидарного) поведения. Выявлено, что в среднем уровень ценностных установок к участию (ценностная форма) выше, чем показатели реального участия (политическая и социальная формы). Это позволяет заключить, что на уровне повседневности сконцентрирован потенциал для конструктивного объединения, солидаризации локального сообщества в решении социально значимых задач. Сделан вывод о территориальной неравномерности уровня и потенциала гражданского участия. В частности, Псковская область значительно опережает по уровню показателей Республику Карелию и, особенно, Вологодскую область, хотя именно Псковская область негативно отличается от других субъектов СЗФО по общему уровню благосостояния населения (ИЧР). Следовательно, наша гипотеза – чем выше уровень благосостояния местного сообщества, тем более развита его вовлеченность в коллективные практики гражданского участия и выше готовность к подобному участию – не подтвердилась. Более глубокий анализ факторов и барьеров коллективной самоорганизации местного сообщества в развитии территорий выступает перспективным направлением для продолжения исследования по проблеме.

Гражданское участие, коллективные практики, институциональное доверие, межличностное доверие, локальное сообщество, территориальное развитие.

Введение

Россия в современных условиях характеризуется высокой степенью межрегиональных социально-экономических диспропорций, что проявляется в существенных различиях как в темпах экономического роста и технологического развития, так и в уровне и качестве жизни населения [1–3]. Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны необходима реализация комплекса мер, направленных на снижение внутрирегиональных социально-экономических различий². По мнению Н.И. Лапина, необходимо внедрять стратегию саморазвития регионов – стратегию их интегрированной модернизации, которая реализуется с помощью региональных инновационных систем, организующих и стимулирующих саморазвитие регионов [4].

Для достижения поставленных задач требуется поиск новых факторов территориального развития, которые находятся не только в экономической плоскости, но и в социокультурной. В связи с этим одним из ключевых направлений при решении внутренних проб-

лем страны и ее регионов становится развитие общественно-государственного партнерства и, соответственно, гражданского участия. Практики гражданского участия могут выступать важным фактором, оказывающим влияние на эффективность государственного управления, инновационное развитие, особенно в социальной сфере [5].

Значимость вовлеченности населения в решение проблем территорий увеличивается в условиях новых глобальных вызовов. Владимир Путин в октябре 2020 года в выступлении на пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира» отметил: «Обязанность государства – поддерживать общественные инициативы, открывать для них новые возможности. В этом залог суверенного, поступательного развития России, подлинной преемственности в ее движении вперед, нашей способности отвечать на глобальные вызовы»³.

В целом следует согласиться с тем, что роль участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества возрастает не только на этапе качественных

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094 (дата обращения 15.07.2019).

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: стенограмма // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения 23.10.2020).

изменений, но и в кризисные периоды. Это обуславливает научный и практический интерес к обозначенной тематике.

Концептуализация категории «гражданское участие»

Для эмпирического изучения гражданского участия важно отойти от расплывчатых и аморфных определений, поэтому в первую очередь возникает вопрос, что мы подразумеваем под этим социальным феноменом. Поиск в Google обнаружил примерно 35500000 результатов⁴, что свидетельствует о достаточно широком использовании термина. В то же время при изучении проблемы становится очевидным существование значительного диапазона определений феномена гражданского участия. Наблюдается концептуальная путаница вокруг понятия, оно применяется авторами для обозначения разных вещей [6].

П. Окли в работе «The Practice of Participation in Rural Development» (1991) приходит к следующему выводу: «Гражданское участие связано с человеческим развитием и усиливает у людей чувство контроля над проблемами, которые влияют на их жизнь. По сути, участие – это хорошо, потому что оно мешает изоляции людей и закладывает основу для того, чтобы они не только оказывали существенное влияние на развитие, но и приобретали большую независимость и контроль над своей жизнью» [7, с. 17].

Актуальность такого понимания участия населения не утратилась и спустя несколько десятилетий. Несмотря на широкий перечень трактовок гражданского участия, в них все же прослеживается общий критерий – значимый общественный результат [8; 9].

Б. Ронан акцентирует внимание на историческом корне термина: латинское слово «*civis*» нашло свое отражение в двух словах – город и гражданин, т. е. «имеющий полное членство в сообществе, включая гражданское право на свободу и справедливость»; «*participation*» означает «взаимодействие, вовлеченность, сочувствие». В связи с этим автор поясняет, что гражданское участие связано с вовлечением

индивидов и групп в деятельность, которая (а) выполняется публично, (б) приносит пользу обществу, (в) делается совместно с другими [10].

Большинство ученых согласны с тем, что следует выделять две формы гражданского участия – политическую вовлеченность и социальную (общественную) деятельность [6; 11–13].

Гражданское участие как политическая вовлеченность (political participation)

В рамках этого подхода понятие «гражданское участие» используется для описания политической вовлеченности, внимания к политике, т. е. различных каналов участия в политической жизни [14], следовательно, акцент сделан на вертикальном взаимодействии индивидов, группы или сообщества с государством. Указанный тип гражданского участия, по мнению авторов, включает в себя отдельные практики, такие как голосование, обращение к власти, спонсорство в отношении политических партий и организаций, различные протестные акции, например посещение демонстраций и присоединение к бойкотам [15–17].

В последние годы в контексте изучения политического участия пристальное внимание уделяется электронному участию как технологически опосредованному взаимодействию между правительством и гражданами, участию населения в сфере электронного правительства по принятию решений в политических и управленческих процессах [18–20].

Гражданское участие как социальная/общественная деятельность (social/public participation)

В научной литературе оно названо «дополнительным» или «скрытым политическим» участием, из-за того что в нем отсутствует явное политическое намерение [21]. Такая форма участия включает в себя все виды деятельности, прежде всего направленные на помощь другим вне семьи, общее благо или решение проблемы сообщества: просоциальное (помогающее) поведение, пожертвование денег или поддержка в натуральной форме, волонтерство, участие в рабо-

⁴ Поисковая система Google (дата обращения 27.10.2020).

те неправительственных организаций [22]. В обозначенном контексте признается, что гражданское участие локализуется на горизонтальном уровне в форме различных социальных (общественных) практик.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в научной литературе гражданское участие зачастую приравнивается к конкретным формам вертикального и горизонтального взаимодействия: политическим действиям, общественным работам и т. д.

Представляется перспективным комплексный подход, учитывающий анализ вовлеченности населения в решение социально значимых задач как при взаимодействии с властью, так и в пространстве повседневности (рис. 1). С учетом этого под гражданским участием мы понимаем процесс, посред-

ством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач.

Полагаем, что следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие (в политической и социальной форме), но учитывать также установки к участию, ценности, убеждения, составляющие потенциал для развития практик гражданского участия в будущем. Условно подобные установки и убеждения мы определяем как ценностную форму участия. На основе анализа обширного перечня зарубежной и российской литературы для теоретической

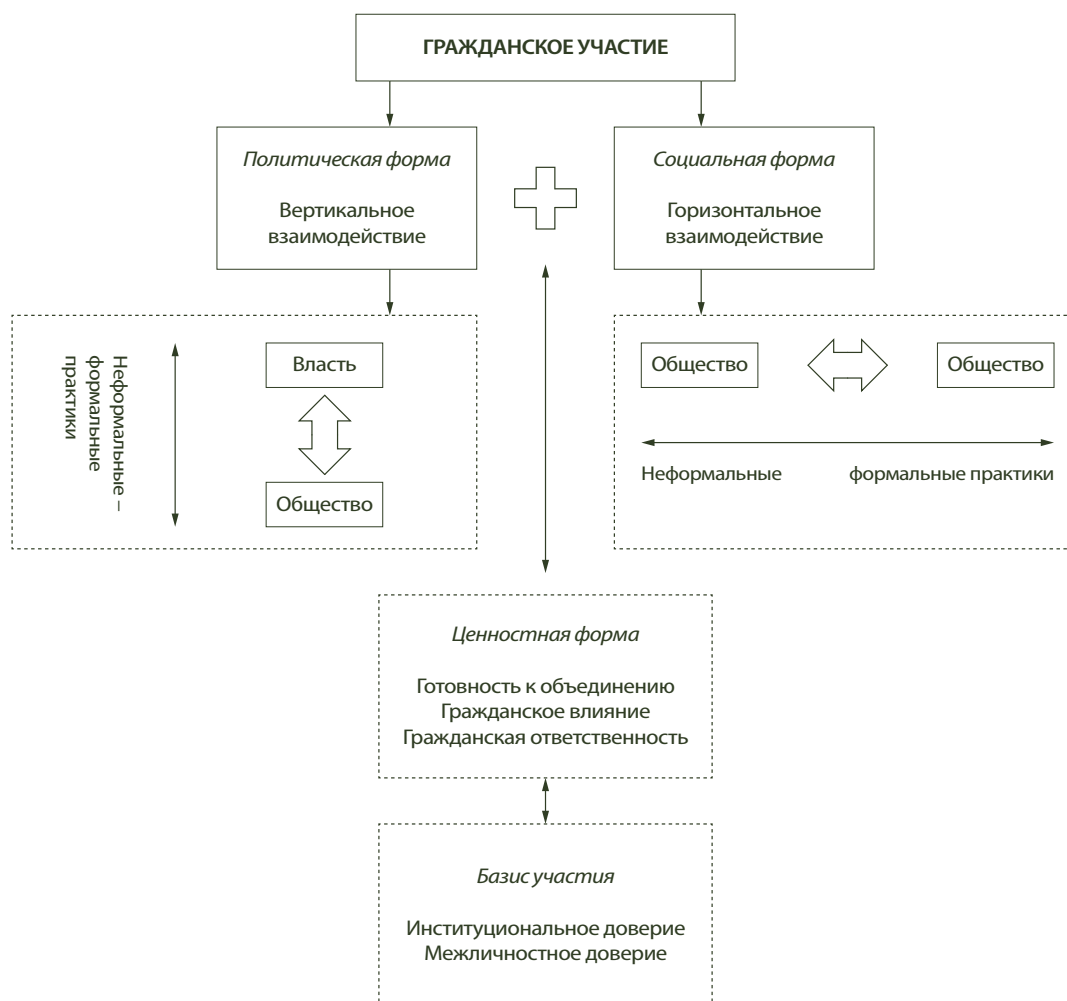

Рис. 1. Схема теоретического осмысления гражданского участия

Источник: составлено автором.

и эмпирической моделей участия были отобраны такие установки и убеждения, характеризующие его потенциал, как готовность к объединению, гражданская ответственность, осознание возможности влияния на состояние дел. По мнению Д. Белла, для того чтобы совместные инициативы стали эффективными, необходимо разделять ответственность за принятие решение, а также понимать способность влиять на вещи и вносить изменения, иначе люди вскоре потеряют интерес к процессу [23].

Кроме того, на наш взгляд, базовым условием при вовлечении граждан в практики выступает наличие доверия. При этом подчеркнем две важные стороны этого явления – доверие к существующим институтам, определяющее возможности взаимодействия граждан с общественными и государственными институтами, и доверие межличностное, необходимое для коллективных действий и самоорганизации.

При рассмотрении гражданского участия основной акцент сделан на различных вариантах взаимодействия, поэтому особый интерес представляет анализ участия как коллективного действия. Исследователи заявляют, что социальные потребности и проблемы отдельных людей превращаются в общественные проблемы, которые нужно решать через совместную деятельность, благодаря чему вовлеченные люди приобретают больший контроль над развитием сообщества, развивают свои социальные сети, осознают свою идентичность [24].

Есть достаточно устойчивые концепции, позволяющие анализировать как существовавшие, так и возникающие коллективные действия [25]. В контексте понимания необходимости мобилизации ресурсов для реализации коллективных практик актуальна теория ресурсной мобилизации, получившая развитие в 70-е годы XX века. Фокусом анализа ученых (М. Олсон, Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол и др.) выступила проблема мобилизационного потенциала участия и коллективной самоорганизации для достижения общих целей [26; 27].

В рамках неполитической концепции мобилизации А. Этциони признается, что мобилизационные ресурсы коллективов и сообществ реализуются через активное участие в процессах социального развития с помощью укрепления коллективных ценностей, идентичности [28].

Для развития коллективных практик участия сообщества особое значение имеет социальная мобилизация: в первую очередь это солидарность (способность помочь друг другу в общем деле, учесть интересы других участников движения), горизонтальные взаимоотношения между участниками, то есть прочность и развитость взаимосвязей и сетевых отношений внутри движения (коллективная идентичность, или чувство принадлежности к сообществу или общей категории) [29]. Однако, с другой стороны, можно утверждать, что коллективные практики сами по себе выступают источником развития коллективной идентичности, солидарности, социальной сплоченности в обществе.

В целом однозначное мнение по поводу того, что же первично – коллективные действия или коллективная идентичность – у исследователей не выработалось. Это дает основание говорить о том, что указанные феномены могут быть описаны как замкнутая самовоспроизводящаяся система [30].

В нашей работе под коллективными практиками гражданского участия подразумеваются формальные/неформальные совместные действия, предпринимаемые общественными организациями и инициативными группами, индивидуумами с общими целями, направленные на решение общественной проблемы.

Гражданское участие на уровне локального сообщества

В научной литературе отдельное внимание уделяется проблеме участия локального сообщества. Эта концепция стала особо популярной в общественно-политическом дискурсе в 90-х гг. XX века. В 1992 году ООН была принята «Повестка дня на XXI века» / «Local Agenda 21» – программа действий для устойчивого развития стран, в которой цен-

тральное место отводится роли активного участия локального сообщества⁵.

Несмотря на свою актуальность и в современный период, концепция локального сообщества зачастую вносит неопределенность, поскольку это понятие может относиться как к месту, так и к людям, соответственно, одновременно выступать актором социального действия и объектом социального управления.

Существуют разнообразные трактовки локального сообщества. Под сообществом («local community») обычно понимаются как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений. Оно «ощущается более непосредственным, чем общество», включает в себя различные виды действия местных организаций и инициатив [31].

Встречается подход, в рамках которого сообщество выступает как сеть личных отношений, групповых связей, традиций и моделей поведения, развивающихся на фоне физического района и его социально-экономического положения. В таком понимании участие сообщества направлено на то, чтобы обогатить эту сеть и укрепить ее нити, развить уверенность в себе и навыки, для того чтобы сообщество (люди) могло начать вносить значительные улучшения в место своего обитания [24].

Наиболее точным представляется понятие местного или «локального сообщества» в трактовке Ф. Кливэра – как социальные общности различных форм организованности и формализации, характеризующиеся солидарными отношениями, а также социальной и территориальной локализацией и идентификацией [32].

Следует подчеркнуть, что во многих совместных инициативах деятельность выходит за рамки сообщества, очерченного географическими границами, развиваются сообщества по интересам. Тем не менее именно сообщество, состоящее из людей, живущих и работающих в определенном месте, выступает самой важной группой, которая будет участвовать в деятельности, сосредоточенной на развитии конкретной территории.

Цель нашего исследования заключается в оценке потенциала (ценностных установок) и вовлеченности локального сообщества в коллективные практики гражданского участия (действия в политической и социальной форме) на основе социологических данных. Исследование осуществлено на материалах трех субъектов Северо-Западного федерального округа России (Вологодская и Псковская области, Республика Карелия). Выбор регионов обусловлен их различиями в социально-экономическом развитии, которое оценивается на основе обобщенного показателя – индекса человеческого развития (ИЧР)⁶.

Как демонстрируют полученные данные, из трех субъектов наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Вологодской области (ИЧР – 0,869), наименее благоприятная – в Псковской области (0,828; табл. 1). При этом все три субъекта отстают от уровня показателя в среднем по СЗФО (0,878). Эти выводы свидетельствуют о значимости использования в исследуемых регионах различных ресурсов развития, в том числе связанных с гражданским участием местного населения. Мы предположили: чем выше уровень благосостояния местного сообщества, тем более развита его вовлечен-

⁵ Повестка дня на XXI век принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru>

⁶ Индекс человеческого развития (ИЧР) включает в себя индекс ожидаемой продолжительности жизни: здоровье и долголетие, измеряемые показателем средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, индекс образования: доступ к образованию, измеряемый средней ожидаемой продолжительностью обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения, индекс валового национального дохода: уровень жизни, измеряемый величиной валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). Эти три измерения стандартизируются в виде числовых значений от 0 до 1, среднее геометрическое которых представляет собой совокупный показатель ИЧР в диапазоне от 0 до 1. Затем государства и их регионы ранжируются на основе этого показателя. Источник: Индекс человеческого развития. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index> (дата обращения 10.10.2020).

Таблица 1. Индекс человеческого развития по типам регионов Северо-Западного федерального округа

Высокоразвитые		Развитые		Среднеразвитые	
финансово-экономические центры	сырьевые экспортно-ориентированные	с опорой на обрабатывающую промышленность	с опорой на добывающую промышленность	промышленно-аграрные	аграрно-промышленные
г. Санкт-Петербург (0,945)	Ненецкий АО (0,895)	Архангельская область (0,890)	Мурманская область (0,869)	Республика Карелия (0,860)	Псковская область (0,828)
	Республика Коми (0,893)	Вологодская область (0,869)		Калининградская область (0,874)	
		Новгородская область (0,867)			
		Ленинградская область (0,862)			
В целом ИЧР по СЗФО – 0,878.					
Источник: Отчет Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации за 2019 год.					

ность в практики гражданского участия и выше готовность к подобному участию.

Информационная база и методика исследования

При изучении гражданского участия локального сообщества применен сравнительно-социологический метод. Основой информации послужили результаты социологического измерения, организованного ВолНЦ РАН в мае – июне 2019 года на территории крупных и малых городов Вологодской, Псковской областей и Республики Карелии (N = 1600). Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Отбор респондентов проводился по половозрастным квотам (старше 18 лет). Ошибка выборки не превышает 3%. Метод измерения – анкетирование по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

На основе полученных данных социологического исследования разработана авторская методика комплексного измерения потенциала (ценностная форма) и реального (политическая и социальная формы) гражданского участия. При проведении эмпирического анализа мы исходим из того, что

политическая и социальная формы гражданского участия на местах представлены множеством разнообразных практик, в рамках разработанного инструментария группирующихся в репертуары участия (с двумя и более практиками), имеющих некоторые схожие характеристики в отношении: 1) их структуры; 2) основного вопроса, который они решают; 3) способов их мобилизации; 4) стиля участия [33]. Ценностная форма представлена различными установками к участию, составляющими потенциал (резерв) для политической и социальной самоорганизации в будущем.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем перейти непосредственно к анализу гражданского участия, необходимо обратиться к вопросу доверия как базового условия для вовлечения граждан в коллективные практики социального и политического участия: к общественным и политическим институтам (институциональное доверие) и между членами местного сообщества (межличностное доверие).

Институциональное доверие отражает сложность современного общества, при этом аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики. Напротив, отсутствие

доверия и низкий авторитет власти отрицательно влияют на готовность населения участвовать в общественно-политической жизни. По словам исследователей, институциональное доверие имеет большее значение, чем доверие отдельным политикам или государственным деятелям, поскольку относится к сумме институтов и взаимодействию между ними, а значит, является более устойчивым и прогнозируемым [34].

На протяжении последних 15–20 лет в российском обществе накопилось много проблем социально-экономического характера, в том числе относящихся к социально-психологическому уровню. Это выражается в актуальности проблематики недоверия государственным (прежде всего региональным) и, особенно, общественным институтам. К примеру, по данным ИС РАН, за период с апреля 2018 по июнь 2019 года из 17 институтов на стабильном уровне сохранилось только доверие армии (66%), профсоюзам (25%) и Российской академии наук (48%); доверие остальным (включая органы власти, СМИ, политические партии, общественные структуры и т. д.) снизилось [35]. Но главное даже не негативная динамика, а тот факт, что среди многочисленных государственных и общественных структур институты гражданского общества пользуются наименьшим доверием у населения (например, по данным 2018 года уровень доверия россиян президенту составил 69%, армии – 66%, РАН – 48%, церкви – 45%, общественным организациям – 37%⁷). В отношении институтов гражданского общества речь, скорее, идет о неверии в их возможность оказывать реальное воздействие на лиц, принимающих управленческие решения [36].

Социологический анализ свидетельствует, что в исследуемых регионах среди местного сообщества значительно отличается уровень доверия к государственным, муниципальным и общественным институтам: Вологодская область по всем этим критериям отстает от Республики Карелии и Псковской области, причем в последних

уровень институционального доверия по большинству показателей выше по сравнению с общероссийскими данными (табл. 2).

Представляется, что росту доверия и авторитета власти на всех уровнях будет способствовать развитие партнерского типа отношений между государством и общественностью, при котором гражданское участие выступает ключевым методом обновления и укрепления подобных отношений. Перспективной моделью в России в современных условиях является участие как совместные действия по решению актуальных задач локального сообщества и властных органов, при этом задача последних состоит в содействии вовлеченности населения в общественные дела. Справедливы слова В.Н. Якимца и Л.Н. Никовской о том, что создание демократического порядка не может быть лишь результатом «живого творчества масс снизу», оно предполагает различные формы общественно-государственного партнерства [37].

Основой самоорганизации, совместной деятельности людей, поддержания моральных основ и социальных норм, социальной интеграции выступает также межличностное доверие [38].

По уровню межличностного доверия среди трех исследуемых регионов несколько отличается Республика Карелия: среди ее жителей ниже доля тех, кто полагает, что в наше время никому нельзя доверять (15% против 19% – в Вологодской области, 20% – в Псковской области; табл. 3). Однако уровень доверия в Карелии выше за счет ближайшего окружения (71% респондентов в ней ответили, что доверять можно только самым близким друзьям и родственникам, в Вологодской области – 65%, в Псковской области – 67%), в то время как показатели социального доверия существенно не различаются (доля суждений о том, что «большинству знакомых можно доверять», составила 11–14%, «можно доверять всем без исключения» – 1–2%). Примечательно, что в целом по России, согласно данным ИС РАН, 78,4% респондентов в той или иной степени

⁷ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены: информационно-аналитический доклад / ИС РАН. М., 2018. 80 с.

Таблица 2. Уровень институционального доверия локального сообщества*, 2019 год, % от числа опрошенных

Институты	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Справочно по РФ
Президент РФ	51	64,3	63,6	56,5
Правительство РФ	34,1	49,6	47,3	27,9
Совет Федерации	27,6	47,6	38,5	22,8
Государственная Дума	23,3	44,6	34,0	19,6
Общественная палата РФ	24,3	45,0	27,6	нет св.
Руководство области	29,9	44,6	23,5	35,0
Органы местного самоуправления	26,5	42,1	23,0	24,6
Общественная палата области	22,9	38,3	18,8	нет св.
Полиция	38,2	57,5	50,6	28,5
Федеральная служба безопасности	38,2	60,0	48,1	нет св.
Суд	36,4	52,0	44,6	16,9
Прокуратура	41,4	55,0	45,8	нет св.
Армия	39,6	61,5	58,0	66,3
Профсоюзы	29,9	42,1	33,8	24,5
Церковь	39,3	39,5	38,5	44,3
Общественные организации	21,6	34,8	20,6	36,2
Политические партии, движения	14,9	27,8	10,6	11,7
Средства массовой информации	21,5	29,1	28,1	28,2**
Предпринимательские круги	14,4	29,3	12,0	25,8
Научные организации	29,7	39,3	35,0	47,9***
Никому не доверяю	30,1	9,3	7,5	нет св.

* Доля положительных ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, свое отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти?». Ответы «полностью доверяю» и «в основном доверяю», N = 1600. По РФ – доля респондентов, выбравших ответ «доверяю» на вопрос «Вы в целом доверяете или не доверяете следующим государственным и общественным институтам?».

** Телевидение.

*** Российская академия наук.

Источники: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года; О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: по итогам массового социологического исследования. М., 2019.

Опрос проводился в июне 2019 года в 22 субъектах РФ. Объем выборочной совокупности – 2000 респондентов от 18 лет и старше.

согласны с утверждением о росте недоверия в российском обществе [35].

Таким образом, анализ субъективных оценок населения позволил выявить некоторые различия социально-психологического контекста, связанного с формированием гражданского участия, на местах. В частности, жители Вологодской области по сравнению с населением Псковской области и Республики Карелии обладают более низким уровнем институционального доверия, население Республики Карелии несколько выделяется по уровню межличностного доверия.

Основная задача нашего исследования заключается в оценке уровня и потенциала гражданского участия локального сообщества. Как было отмечено ранее, следует анализировать не только измеримое гражданское участие – действие, но и такие формы, как установки к участию, убеждения [6], которые являются потенциалом для развития практик гражданского участия в будущем. Условно подобные установки в рамках авторского подхода рассматриваются как ценностная форма участия.

Остановимся на изучении таких важнейших элементов ценностной формы граждан-

Таблица 3. Уровень межличностного доверия среди городского сообщества*, 2019 год, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия
В наше время никому нельзя доверять	19,0	20,3	14,6
Только самым близким друзьям и родственникам	64,7	66,5	70,5
Большинству знакомых людей можно доверять	14,0	11,1	13,6
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,8	1,3

* Ответы на вопрос «Кому Вы можете доверять?», N = 1600.
Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

данского участия, как гражданская ответственность, осознание возможности влиять на состояние дел, готовность к объединению для совместных действий.

Анализ показал, что высокий уровень (свыше 0,5⁸) характерен для такой установки, как готовность к объединению (для Псковской области индекс составил 0,6; в Республике Карелии – 0,5), низкий – для гражданского влияния (индекс менее 0,3 в Вологодской области и Республике Карелии). Вместе с тем исследования свидетельствуют, что готовность людей к участию в решении общественно значимых проблем во многом определяется пониманием, насколько вероятно они смогут изменить ситуацию к лучшему [39].

На основе полученных данных можно сделать вывод о региональных различиях в оценках населения. Так, у жителей Псковской области уровень ценностных установок к гражданскому участию несколько выше, чем в Вологодской области и Республике Карелии (итоговый индекс составил 0,4 против 0,3 и 0,3 соответственно; табл. 4). Вологодская область по ряду показателей отстает от Псковской области и

Республики Карелии (готовности населения к объединению, уровню гражданской ответственности).

С целью изучить особенности политической и социальной форм гражданского участия на местах были рассчитаны индексы участия по отдельным практикам⁹, после чего они сгруппированы в близкие по значению репертуары (с двумя и более практиками). В результате обобщения и систематизации эмпирического материала выделены следующие репертуары политического участия: электоральное участие, протестное участие, участие в политической группе, общественное мнение и контроль; репертуары социального участия – благотворительная деятельность, ассоциированное участие, социальная кооперация.

При разработке и анализе эмпирической модели участия необходимо учитывать его важнейшую особенность – динамичный характер. Современное гражданское участие стремительно осваивает новые пространства, опираясь, в том числе, на интернет-коммуникативные технологии, сетевые форматы. Вследствие этого наряду с традици-

⁸ Высоким уровень ценностных установок можно считать при значении индекса в диапазоне от 0,5 и выше; средним – 0,3 до 0,5; низким – от 0,3 и ниже. Содержание излагаемого индекса участия не претендует на универсальность.

⁹ Индекс участия рассчитывался по вопросу «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать за последние 12 месяцев?», в котором были перечислены различные мероприятия социальной и политической жизни. Респонденту предлагалось сделать отметку о своём участии, выбрав один из 4 вариантов ответа: «регулярно», «время от времени», «один раз» или «никогда». За первые 3 ответа (регулярно, время от времени, один раз) присваивался 1 балл, таким образом, за участие с различной периодичностью во всех перечисленных мероприятиях респондент получал максимальное число баллов. Если респондент никогда (в течение оцениваемого периода) не участвовал в каком-либо мероприятии, то ему присваивалось 0 баллов по соответствующему подпункту. Итоговый индекс участия рассчитывался по 15 перечисленным мероприятиям общественной и политической жизни. После суммирования количества отмеченных мероприятий значение индекса было пронормировано (набранная сумма разделена на максимальное значение), т. е. границы изменения его значений приведены к единому виду – от 0 до 1.

Таблица 4. Ценностная форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год, значение индекса

Ценностные установки	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия
Гражданская ответственность	0,34	0,41	0,35
Готовность к объединению	0,47	0,63	0,57
Гражданское влияние	0,29	0,36	0,28
Итоговый индекс ценностной формы гражданского участия	0,32	0,40	0,34

Источники: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года; расчеты автора.

онными возникают и получают активное развитие качественно новые, зачастую слабо формализованные практики участия, что приводит к постоянному расширению репертуаров гражданского участия и стиранию строгих границ между его формами.

Анализ социологических данных выявил, что среди всех репертуаров политической формы участия среднее и высокое (свыше 0,5) значение индекса наблюдается в группе, которая охватывает практики электорального участия (в Псковской области – 0,61, Вологодской – 0,5; *табл. 5*). Наиболее распространенная политическая форма гражданского участия – голосование на выборах (индекс по регионам составляет от 0,77). В то же время некоторые авторы считают ее наименее действенной, отмечая формальность этого способа для большинства граждан. Однако, как показал анализ, значимое место в общественно-политической жизни регионов занимает не только пассивное голосование на выборах, но и активное участие в избирательной кампании.

Активность гражданского участия распределена неравномерно между его социальными практиками и, соответственно, типами репертуаров. Высокий уровень индексов определен для такого типа репертуара, как социальная кооперация, которая включает различные коллективные практики по длительности (например, ситуативные – участие в благоустройстве, длительные – участие в работе домового комитета) и социальной дистанции (соседи, незнакомые люди, люди по интересам; *табл. 6*). Анализ показал, что в наибольшей степени распространены такие практики, как коллективное

благоустройство (по трем регионам индекс составил свыше 0,5) и помогающее поведение (речь идет, например, об оказании безвозмездной бытовой помощи на дому, просмотре за чужими детьми, престарелыми людьми, помощи в написании обращений в органы власти – как наиболее простом и универсальном способе реализации альтруистических устремлений).

В Вологодской области и Республике Карелии наблюдается низкий уровень вовлеченности населения как в деятельность общественных организаций, так и неформальных групп – интернет-сообществ (индекс – 0,13 и 0,19 соответственно). В то же время участие в сообществах и объединениях (так называемое ассоциированное участие) среди прочих репертуаров обладает наибольшей значимостью, т. к. позволяет реализовать потребность, которая не воплощается в полной мере в других коллективных практиках участия, в частности это идентификация с группой, доверие к ней и лояльность, даже если группа представляет собой лишь «ассоциацию в обычной жизни» [40]. Коллектив зарубежных авторов (Н. Квак, Д. Шах, Л. Холберт) отмечает значимость ассоциаций как инструмента мотивации к участию [41]. Именно практики ассоциированного участия обладают наибольшими устойчивыми связями, они требуют определенной регулярности и принадлежности. Исходя из этого, полагаем, что низкий уровень развития ассоциированного участия на местах негативно сказывается на вовлеченности населения в другие коллективные практики.

Таблица 5. Политическая форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год

Репертуары политической формы	Практики	Вологодская область		Псковская область		Республика Карелия	
		индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс
Электоральное участие	Выборы	0,77	0,50	0,82	0,61	0,74	0,49
	Участие в избирательной кампании	0,23		0,41		0,24	
Протестное участие	Митинги, демонстрации, пикеты	0,10	0,07	0,33	0,25	0,12	0,08
	Забастовки	0,05		0,17		0,04	
Общественное мнение и контроль	Общественные слушания и контроль	0,07	0,11	0,20	0,27	0,13	0,24
	Подписание обращений, петиций в органы власти	0,12		0,36		0,21	
	Обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде	0,11		0,27		0,15	
Участие в политической группе	Членство в партии	0,05	0,04	0,18	0,19	0,05	0,07
	Членство/ участие в работе полит. группы	0,04		0,20		0,10	

Рассчитано по: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

Таблица 6. Социальная форма гражданского участия локального сообщества, 2019 год

Репертуары социальной формы	Практики	Вологодская область		Псковская область		Республика Карелия	
		индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс	индекс	итоговый индекс
Ассоцированное участие	Деятельность общественных организаций	0,13	0,13	0,41	0,38	0,17	0,19
	Деятельность неформальной группы (интернет-сообщества)	0,12		0,34		0,2	
Благотворительная деятельность	Помогающее поведение	0,60	0,34	0,67	0,54	0,64	0,40
	Волонтерская работа	0,13		0,38		0,19	
	Сбор денежных пожертвований	0,29		0,57		0,37	
Социальная кооперация	Коллективное благоустройство, субботники	0,53	0,51	0,76	0,84	0,67	0,77
	Работа домового комитета, совета дома	0,23		0,46		0,23	
	Работа родительского комитета (в школе, детском саду)	0,27		0,47		0,29	

Рассчитано по: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

В целом полученные социологические данные демонстрируют территориальную неравномерность в уровне и потенциале гражданского участия: среди трех исследуемых регионов наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Псковской области (итоговый индекс потенциала участия составил 0,405, итоговый индекс участия – 0,402, против средних значений 0,290 и 0,355 соответственно; табл. 7).

В среднем уровень ценностных установок к участию выше, чем уровень реального участия: итоговый индекс установок составил 0,35; итоговый индекс участия – 0,24. Это свидетельствует об имеющемся потенциале для развития гражданского участия в регионах. Есть основания полагать, что, несмотря на стремительный процесс индивидуализации в российском обществе, когда

ценность выживания, сохранения личного и семейного благополучия вытесняет ценности коллективного действия, альтруизма, активной гражданской позиции [34], на местах имеется значительный потенциал для солидаризации, конструктивного объединения в решении социально значимых задач.

Обобщая итоговые данные по трем исследуемым регионам, следует отметить, что на уровень установок к гражданскому участию и вовлеченность в различные его политические и социальные практики в первую очередь оказывает влияние образовательный уровень населения. Так, среди респондентов с высшим образованием итоговый индекс установок составляет 0,51, итоговый индекс участия – 0,35 (против средних значений по опросу 0,35 и 0,29 соответственно; рис. 2, 3). Также выявлено, что на показатели

Таблица 7. Итоговые показатели уровня и потенциала гражданского участия локального сообщества в территориальном разрезе

Показатель	Территория			Итого
	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	
Итоговый индекс потенциала участия	0,214	0,405	0,250	0,290
Итоговый индекс участия	0,390	0,402	0,335	0,355

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

Рис. 2. Итоговый индекс участия (социально-демографический портрет)

Рис. 3. Итоговый индекс установок (социально-демографический портрет)

Источник: Социологический опрос ВолНЦ РАН, май – июнь 2019 года.

установок к участию воздействует возрастной критерий, хотя в меньшей степени, чем образование – индекс выше среди респондентов от 30 до 60 лет. Полагаем, что именно на эти социально-демографические группы локального сообщества могут рассчитывать в партнерстве органы регионального и муниципального управления.

Заключение

Таким образом, на местах население пока демонстрирует низкий уровень непосредственной вовлеченности в коллективные практики политического и социального участия, хотя наблюдается качественное разнообразие гражданских инициатив, горизонтальных коммуникационных связей и т. п. Согласимся с позицией В.В. Петухова: возможно, в российском обществе важна не столько массовость участия, сколько способность гражданских движений формировать ответственных граждан, которые бы чувствовали сопричастность со всем, что происходит – от собственного двора до страны в целом [13].

Анализ социологических данных показал, что в среднем уровень ценностных установок к участию (ценностная форма) выше, чем показатели реального участия (политическая и социальная формы). Это дает основание говорить о том, что именно в повседневности при решении местных социальных проблем сконцентрирован потенциал не только многообразных форм активизма, но и общественной солидарности.

Сделан вывод о территориальной неравномерности уровня и потенциала гражданского участия (в частности, Вологодская область отстает по ряду показателей от Республики Карелии и, особенно, Псковской области). Следовательно, наше предположение о том, что интенсивность вовлеченности локального сообщества в различные коллективные практики гражданского участия и готовность к нему во многом определяются социально-экономическим развитием территории, не подтвердилось.

В то же время выявлена взаимосвязь между показателями участия и уровнем институционального доверия. С одной стороны, можно предположить, что успешное развитие гражданского участия наблюдается на тех территориях, где складываются доверительные отношения между населением и властью, где местные власти относятся к субъектам участия как к партнерам, которые имеют право принимать участие в процессе принятия решений. С другой – конструктивное гражданское участие, сопричастность локального сообщества к соуправлению и развитию территорий сами по себе могут выступать инструментом повышения доверия к власти на всех уровнях, способствовать укреплению партнерского типа отношений между государством и общественностью. Обозначенные вопросы требуют дальнейшей проработки.

Проведенное исследование вносит свой вклад как в теоретическое осмысление категории гражданского участия локального сообщества, так и в осуществление эмпирической оценки его уровня и потенциала. Его практическая значимость заключается в повышении эффективности при реализации потенциала гражданского участия в решении актуальных проблем на местах. Разработанная комплексная методика анализа состояния гражданского участия может быть использована учеными и научно-исследовательскими организациями для рассмотрения данного социального феномена на уровне других регионов, а также страны в целом. Результаты могут применяться в работе региональных органов государственной власти с целью совершенствования механизмов «обратной связи» с населением и гражданским обществом, развития межсекторного партнерства. Кроме того, полученные данные могут быть использованы в текущей деятельности организаций гражданского общества, а также СМИ и преподавательской деятельности в вузах или других типах образовательных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.
2. Ускова Т.В. Устойчивость развития территорий и современные методы управления // Проблемы развития территории. 2020. № 2 (106). С. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1
3. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
4. Лапин Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий // Философские науки. 2017. № 7. С. 27–32.
5. Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
6. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: towards a new typology. *Youth & Society (YeS)*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
7. Oakley P. *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. International labour organization, 1991. 284 p.
8. Скалабан И.А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. 407 с.
9. Glass L., Newig J. Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance Journal*, 2019, vol. 2, pp. 100–130.
10. Ronan B. *Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America*. Arizona: Phoenix, 2004.
11. Adler R., Goggin J. What do we mean by «civic engagement»? *Journal of Transformative Education*, 2005, vol. 3 (3), pp. 236–253.
12. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective. *Journal of Civil Society*, 2014, vol. 10 (1), pp. 5–28.
13. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.
14. Berger B. political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
15. Verba S., Nie N.H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972. 452 p.
16. Kaase M., Marsh A. Political action repertory: changes over time and a new typology. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. Pp. 137–166.
17. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.
18. Hassan L., Hamari J. Gameful civic engagement: A review of the literature on gamification of e-participation. *Government Information Quarterly*, 2020, vol. 37 (3), pp. 1–21.
19. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S., Irani Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, pp. 536–545.
20. Соколов А.В., Палатников Д.Е. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства // Власть. 2019. Т. 27. № 6. С. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6834>
21. Amnå E. How is civic engagement developed over time? *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35 (3), pp. 611–627.

22. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities. *Soc. Sci. Med.*, 2010, vol. 71 (12), pp. 2141–2149.
23. Bell D. *Approaches to Community Participation*. Leicester: Environ, 1995. 157 p.
24. Flecknoe C., McLellan N. *The What, How and Why of Neighbourhood Community Development*. London: Community Matters, 1994. 180 p.
25. Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11
26. McCarthy I. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *AYS*, 1977, vol. 82, pp. 1212–1241.
27. Zald M., McCarthy J. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transactions books, 1987.
28. Etzioni A. Mobilization as a macro sociological conception. *The British Journal of Sociology*, 1968, vol. 19 (3), pp. 243–253.
29. Казаринова Д.Б. Теория коллективных действий: политические импликации // Политология. 2011. № 3. С. 70–77.
30. Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 1. С. 30–45.
31. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
32. Cleaver F. *Institutions, Agency and the Limitations of Participatory Approaches to Development. Participation: the New Tyranny?* London: Zed Books, 2001. 55 p.
33. Stolle D., Hooghe M. Review article: inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, vol. 35, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
34. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
35. О насущных проблемах нашей жизни и взаимодействии регуляторов, бизнеса и граждан: по итогам массового социологического исследования / под рук. М.К. Горшкова. М.: ФНИЦ ИС РАН, 2019. 210 с.
36. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1
37. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. № 5 (3). С. 209–223.
38. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145–159.
39. Macnaghten P., Grove-White R., Jacobs M., Wynne B. *Public Perceptions and Sustainability in Lancashire. Indicators, Institutions and Participation*. Lancaster: University for Lancashire County Council, 1995. 210 p.
40. Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Г.Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
41. Kwak N., Shah D., Holbert L. Connecting, trusting, and participating: the direct and interactive effects of social associations. *Political Research Quarterly*, 2004, vol. 57 (4), pp. 643–652.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru

Ukhanova Yu.V.

**COLLECTIVE PRACTICES AND POTENTIAL
FOR CIVIC PARTICIPATION OF LOCAL COMMUNITY
(SOCIOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIAN REGIONS)**

In the context of interregional socio-economic imbalances in Russia, the importance of searching for new factors of territorial development is increasing. These factors are connected not only to economics, but also to the socio-cultural sphere. In this regard, one of the key areas of solving the internal problems of the country and its regions is the civic participation development. The scientific novelty of the research is determined by applying an integrated approach that takes into account the analysis of the population's inclusion in socially useful activities both in interaction with the authorities (vertical interaction) and in the space of daily life (horizontal interaction). The purpose of the work is to assess the potential and level of local community involvement in collective practices of civic participation. The method of collecting empirical information is a quantitative sociological measurement conducted by VolRC RAS in 2019 on the territory of three entities of the Northwestern Federal District: the Vologda and Pskov Oblasts, and the Republic of Karelia. The author determines that population still shows a low level of direct involvement in collective practices of participation locally. However, the analysis of the results causes speaking about the qualitative diversity of civil initiatives, horizontal communication links: practices aimed at improving local territories, as well as various forms of helping (solidarity) behavior are widely used. The article demonstrates that, on average, the level of value attitudes toward participation (value form) is higher than the indicators of real participation (political and social forms). This allows supposing that the potential for constructive unification, solidarity of the local community in solving socially significant problems is concentrated at the level of daily life. The researcher concludes about the territorial unevenness of the level and potential of civil participation. In particular, the Pskov Oblast significantly exceeded the performance level of the Republic of Karelia and the Vologda Oblast especially, although it is the Pskov Oblast that is negatively distinguished by the general level of welfare (HDI) from other entities of the Northwestern Federal District. Therefore, the author has not confirmed the hypothesis which holds that the higher the well-being level of the local community, the more developed its involvement in collective practices of civic participation and the higher the readiness for such participation. A more in-depth analysis of the factors and barriers of collective self-organization of the local community in the territories' development is a promising direction for further research on the problem.

Civil participation, collective practices, institutional trust, interpersonal confidence, local community, spatial development.

REFERENCES

1. Ilyin V.A., Povarova A.I. Problems of regional development as the reflection of the effectiveness of public administration. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2014, no. 3 (39), pp. 48–63 (in Russian).
2. Uskova T.V. Territories' sustainable development and modern management methods. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2020, no. 2 (106), pp. 7–18. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.1 (in Russian).
3. Kozhevnikov S.A. Strategy for Russia's spatial development and prospects for Russian space transformation. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2019, no. 3 (48). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193>. DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1 (in Russian).
4. Lapin N.I. Stages of transformation and modernization of Russia at the turn of the 20th–21st centuries. *Filosofskiye nauki=Russian Journal of Philosophical Science*, 2017, no. 7, pp. 27–32 (in Russian).
5. Polishchuk L. Economic significant of social capital. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 2011, no. 12, pp. 46–65 (in Russian).
6. Ekman J., Amnå E. Political participation and civic engagement: towards a new typology. *Youth & Society (YeS)*, 2012, vol. 22, pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1
7. Oakley P. *Projects with People: The Practice of Participation in Rural Development*. International labour organization, 1991. 284 p.
8. Skalaban I.A. *Obshchestvennoye uchastiye: teoriya i praktika sotsial'nogo konstruirovaniya* [Public Participation: Theory and Practice of Social Construction: Monograph]. Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiiy universitet, 2015. 407 p.
9. Glass L., Newig J. Governance for achieving the Sustainable Development Goals: How important are participation, policy coherence, reflexivity, adaptation and democratic institutions? *Earth System Governance journal*, 2019, vol. 2, pp. 100–130.
10. Ronan B. *Testimony at the White House Conference on Aging Public Forum on Civic Engagement in an Older America*. Arizona: Phoenix, 2004.
11. Adler R., Goggin J. What do we mean by «civic engagement»? *Journal of Transformative Education*, 2005, vol. 3 (3), pp. 236–253.
12. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and civic engagement and participation: Towards an integrative perspective. *Journal of Civil Society*, 2014, vol. 10 (1), pp. 5–28.
13. Petukhov V.V. Civic participation in Russian today: interaction of social and political practice. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*, 2019, no. 12, pp. 3–14 (in Russian).
14. Berger B. Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
15. Verba S., Nie N.H. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1972. 452 p.
16. Kaase M., Marsh A. Political action repertory: changes over time and a new typology. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. Pp. 137–166.
17. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polis=Polis. Political Studies*, 2017, no. 6, pp. 43–60 (in Russian).
18. Hassan L., Hamari J. Gameful civic engagement: A review of the literature on gamification of e-participation. *Government Information Quarterly*, 2020, vol. 37 (3), pp. 1–21.
19. Naranjo-Zolotov M., Oliveira T., Casteleyn S., Irani Z. Continuous usage of e-participation: The role of the sense of virtual community. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, pp. 536–545.

20. Sokolov A.V., Palatnikov D.E. The nature and conflict strategies of urban communities in a virtualized political space. *Vlast'=Power*, 2019, vol. 27, no. 6, pp. 97–102. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i6.6834> (in Russian).
21. Amnå E. How is civic engagement developed over time? *Journal of Adolescence*, 2012, vol. 35 (3), pp. 611–627.
22. Levasseur M., Richard L., Gauvin L., Raymond E. Inventory and analysis of definitions of social participation found in the aging literature: Proposed taxonomy of social activities. *Soc. Sci. Med.*, 2010, vol. 71 (12), pp. 2141–2149.
23. Bell D. *Approaches to Community Participation*. Leicester: Environ, 1995. 157 p.
24. Flecknoe C., McLellan N. *The What, How and Why of Neighbourhood Community Development*. London: Community Matters, 1994. 180 p.
25. Guzhavina T.A. Collective actions and social capital: implication of concepts. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 191–203. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.11 (in Russian).
26. McCarthy I. Resource mobilization and social movements: A partial theory. *AYS*, 1977, vol. 82, pp. 1212–1241.
27. Zald M., McCarthy J. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transaction books, 1987.
28. Etzioni A. Mobilization as a macro sociological conception. *The British Journal of Sociology*, 1968, vol. 19 (3), pp. 243–253.
29. Kazarinova D.B. Collective action theory: the political dimension. *Politologiya=Political Science*, 2011, no. 3, pp. 70–77 (in Russian).
30. Sokolov A.V. Features of collective action in modern Russia: dynamics, digitalization and results. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya=Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, vol. 6, no. 1, pp. 30–45 (in Russian).
31. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
32. Cleaver F. *Institutions, agency and the limitations of participatory approaches to development. Participation: the new tyranny?* London: Zed Books, 2001. 55 p.
33. Stolle D., Hooghe M. Review article: inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, vol. 35, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
34. Gorshkova M.K., Petuchova V.V. (Eds.) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya* [Russian Society and Challenges of the Time. Book 5]. Moscow: Ves Mir, 2017. 424 p. (in Russian).
35. *O nasushchnykh problemakh nashey zhizni i vzaimodeystvii regulyatorov, biznesa i grazhdan: po itogam massovogo sotsiologicheskogo issledovaniya* [On the Pressing Problems of our Life and the Interaction of Regulators, Business and Citizens: Based on the Results of a Massive Sociological Survey]. Ed. by Gorshkov M.K. Moscow: FNITS IS RAN, 2019. 210 p.
36. Ilyin V.A. Development of civil society in Russia in conditions of “capitalism for the few”. *Ekonomicheskie I sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 9–40. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.1 (in Russian).
37. Yakimets V.N., Nikovskaya L.I. Civil participation, intersectoral partnerships and internet technologies of public policy. *Sotsial'nye i gymanitarnyye znaniya=Social and Humanitarian knowledge*, 2019, no. 5 (3), pp. 209–223 (in Russian).

38. Mersianova I.V., Korneeva I.V. The impact of trust on Russians' participation in charities. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, no. 2, pp. 145–159 (in Russian).
39. Macnaghten P., Grove-White R., Jacobs M., Wynne B. *Public Perceptions and Sustainability in Lancashire. Indicators, Institutions and Participation*. Lancaster: University for Lancashire County Council, 1995. 210 p.
40. Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French; preface H.J. Laski. Moscow: Progress, 1992. 554 p.
41. Kwak N., Shah D., Holbert L. Connecting, trusting, and participating: the direct and interactive effects of social associations. *Political Research Quarterly*, 2004, vol. 57 (4), pp. 643–652.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru